

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-65-82>

Культура цифровой прозрачности и человек в условиях алгоритмического надзора: социальный скоринг в контексте философской антропологии

Мария Сергеевна Сорокопуд¹✉, Алексей Алексеевич Коник²

^{1, 2}Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹✉azarimariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8112-1962>

²Konik_inf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4563-3509>

Введение. В условиях стремительной цифровизации общества социальный скоринг и социальный рейтинг становятся ключевыми инструментами алгоритмического надзора, радикально изменяя взаимодействие человека, государства и цифровых систем. Если социальный рейтинг первоначально создавался как система стимулирования общественно одобряемого поведения (примером служит китайская модель 2014 г.), то социальный скоринг расширяет эту практику, превращаясь в универсальный инструмент оценки личности на основе цифрового следа. В философско-антропологической перспективе эти процессы требуют переосмысления человеческой субъектности: границ свободы, идентичности и автономии в условиях цифрового контроля. Концепция биовласти М. Фуко и идеи «общества контроля» Ж. Делеза позволяют рассматривать социальный скоринг как проявление новой формы власти, действующей через внутреннее согласие человека с алгоритмически заданными нормами.

Методология и источники. Исследование основано на герменевтическом и критико-аналитическом подходах, а также на методах философской интерпретации понятий цифровой субъектности и алгоритмического управления. Используются труды М. Фуко, Ж. Делеза, Б. Стиглера, а также современные исследования цифровой культуры (М. Т. Саблин, Ю. Цветков, А. А. Лазаров). Эмпирическую базу составляют практики социального скоринга в Китае, США и России, включая отечественную экспериментальную платформу социального рейтинга «Мы», разработанную РГСУ как тестовую модель оценки социального статуса граждан.

Результаты и обсуждение. Социальный скоринг формирует новый тип субъекта, чья идентичность создается на основе цифровых данных и алгоритмов предсказательной аналитики. Возникает феномен цифрового конформизма: человек выстраивает поведение в соответствии с алгоритмическими ожиданиями, стремясь поддерживать высокий рейтинг, при этом исчезает граница между моральным выбором и вычисляемой полезностью. Отсутствие прозрачности алгоритмов усиливает риски дискриминации и неравенства. Российская практика демонстрирует тенденцию к расширению цифрового контроля под предлогом обеспечения безопасности, что вызывает этические вопросы о допустимых пределах государственного надзора.

Заключение. Социальный скоринг и социальный рейтинг представляют собой проявление новой парадигмы цифровой власти, в рамках которой субъект утрачивает автономию и становится объектом алгоритмической оценки. Они воздействуют на ис-

© Сорокопуд М. С., Коник А. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

следуемые отношения, превращая социальное доверие в управляемый цифровой ресурс, а субъектность в продукт вычислимой рациональности. Для сохранения человеческого измерения цифрового общества необходимы философские и нормативные рамки, направленные на защиту достоинства, свободы и права на анонимность. Гуманизация технологий и прозрачность алгоритмов становятся важнейшими условиями сохранения автономной личности в эпоху цифрового контроля.

Ключевые слова: социальный скоринг, социальный рейтинг, цифровизация, цифровая прозрачность, алгоритмический надзор, виртуальная идентичность, биовласть, субъективация, цифровая этика, защита персональных данных

Для цитирования: Сорокопуд М. С., Коник А. А. Культура цифровой прозрачности и человек в условиях алгоритмического надзора: социальный скоринг в контексте философской антропологии // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 65–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-65-82

Original paper

The Culture of Digital Transparency and the Individual in the Context of Algorithmic Surveillance: Social Scoring in the Context of Philosophical Anthropology

*Maria S. Sorokopud*¹✉, *Alexey A. Konik*²

^{1, 2}*Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia*

¹✉*azarimariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8112-1962>*

²*Konik_inf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4563-3509>*

Introduction. In the context of the rapid digitalization of society, social scoring and social rating are becoming key tools of algorithmic surveillance, radically changing the interaction between individuals, the state, and digital systems. While social ratings were initially created as a system for incentivizing socially approved behavior (an example is the Chinese model of 2014), social scoring expands this practice, becoming a universal tool for assessing individuals based on their digital footprint. From a philosophical and anthropological perspective, these processes require a rethinking of human subjectivity: the boundaries of freedom, identity, and autonomy in the context of digital control. Michel Foucault's concept of biopower and Gilles Deleuze's ideas of the "society of control" allow us to consider social scoring as a manifestation of a new form of power, operating through a person's internal agreement with algorithmically determined norms.

Methodology and sources. The study is based on hermeneutic and critical-analytical approaches, as well as methods of philosophical interpretation of the concepts of digital subjectivity and algorithmic governance. The works of M. Foucault, G. Deleuze and B. Stiegler are used, as well as contemporary studies of digital culture (M.T. Sablin, Yu. Tsvetkov, A.A. Lazarov). The empirical basis is provided by social scoring practices in China, the United States, and Russia, including the domestic experimental social rating platform "We", developed by the Russian State Social University as a test model for assessing citizens' social status.

Results and discussion. Social scoring creates a new type of subject, whose identity is constructed based on digital data and predictive analytics algorithms. A phenomenon of digital conformism is emerging: people base their behavior on algorithmic expectations, striving to maintain a high rating, while, the boundary between moral choice and calculated utility disappears. The lack of transparency in algorithms increases the risks of discrimination and inequality. Russian practice demonstrates a trend toward expanding

digital control under the guise of ensuring security, raising ethical questions about the permissible limits of state surveillance.

Conclusion. Social scoring and social ratings represent a manifestation of a new paradigm of digital power, within which the subject loses autonomy and becomes the object of algorithmic assessment. They influence these relationships, transforming social trust into a manageable digital resource, and subjectivity into a product of computable rationality. Preserving the human dimension of digital society requires a philosophical and normative framework aimed at protecting dignity, freedom, and the right to anonymity. The humanization of technology and the transparency of algorithms are becoming crucial conditions for preserving the autonomous individual in the era of digital control.

Keywords: social scoring, social rating, digitalization, digital transparency, algorithmic surveillance, virtual identity, biopower, subjectivation, digital ethics, personal data protection

For citation: Sorokopud, M.S. and Konik, A.A. (2026), "The Culture of Digital Transparency and the Individual in the Context of Algorithmic Surveillance: Social Scoring in the Context of Philosophical Anthropology", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 65–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-65-82 (Russia)

Введение. В эпоху стремительной цифровизации общество сталкивается с новыми формами социальной регуляции, основанными на сборе, анализе и оценке больших данных. Одним из наиболее ярких проявлений этой тенденции является социальный скоринг, система алгоритмической оценки поведения человека, в которой цифровая репутация становится фактором, определяющим доступ к социальным ресурсам, возможностям и привилегиям. Однако в последние годы все чаще используется и близкое по смыслу, но концептуально отличное понятие «социальный рейтинг». Если социальный скоринг связан преимущественно с технологическими механизмами анализа данных и автоматизированной оценкой, то социальный рейтинг предполагает более широкую нормативно-ценностную рамку, направленную на стимулирование «социально одобряемого» поведения и наказание за нарушения законов и моральных норм. В этом смысле социальный рейтинг представляет собой инструмент формирования «цифрового гражданства», когда социальное доверие становится объектом цифрового управления.

Показательным примером служит китайская модель, запущенная в июле 2014 г., в которой социальный рейтинг граждан оценивает их по множеству критериев (от финансовой дисциплины до гражданской активности). Система, основанная на поощрении общественно полезного поведения и санкциях за отклонения, вызвала широкий резонанс, разделив общество на сторонников и критиков. Для одних она стала символом дисциплинированного цифрового общества, а для других инструментом тотального контроля.

В российском контексте феномен социального скоринга и социального рейтинга пока находится на стадии формирования, однако наблюдаются процессы, указывающие на постепенное внедрение подобных практик. Особого внимания заслуживает экспериментальная платформа «Мы», запущенная в июле 2024 г. Российским государственным социальным университетом (РГСУ) [1]. Проект позиционируется как прототип отечественной системы социального рейтинга, оценивающей статус человека по ряду критериев, включая социальную активность, цифровое поведение и участие в общественной жизни. Несмотря на то, что система пока находится в тестовом режиме, она демонстрирует тенденцию к институционализации цифрового контроля и алгоритмизации социального доверия.

В философско-антропологической перспективе социальный скоринг и социальный рейтинг требуют переосмысления сущности человеческого субъекта, его свободы и идентичности в условиях алгоритмического надзора. Концепция биовласти М. Фуко и идеи общества контроля, предложенные Ж. Делезом, позволяют рассматривать цифровые механизмы оценки как новые формы власти, пронизывающие повседневность. В этой связи культура цифровой прозрачности выступает новым типом социальной дисциплинарности, когда человек постепенно превращается из автономного субъекта в объект постоянного наблюдения и нормирования.

Целью настоящего исследования является анализ феномена социального скоринга и социального рейтинга в контексте философской антропологии, выявление их влияния на процессы субъективации, цифровой идентичности и автономии человека в условиях алгоритмического контроля.

Методология и источники. Методологической основой исследования является философско-антропологический подход, направленный на осмысление трансформации человеческой субъектности в условиях цифровой прозрачности и алгоритмического надзора. В центре внимания – влияние технологий социального скоринга и социального рейтинга на процессы формирования субъектности человека, т. е. формирование его идентичности с помощью механизмов цифрового контроля и самооценки.

В качестве аналитических инструментов применяются положения критической теории власти (М. Фуко, Ж. Делез, Дж. Агамбен), позволяющие рассматривать алгоритмические формы наблюдения как часть более широкой системы биополитического управления. Концепция биовласти М. Фуко раскрывает, каким образом цифровые технологии становятся инструментом регуляции поведения и нормализации социальных практик, а идея общества контроля Ж. Делеза позволяет выявить переход от институциональных форм надзора к распределенным сетевым структурам. В свою очередь концепт симуляции Ж. Бодрийяра используется для анализа феномена виртуальной идентичности, формирующейся в условиях цифрового медиапространства, в котором реальность все чаще подменяется ее цифровыми репрезентациями.

Методологический инструментарий дополняют герменевтический и критико-аналитический подходы, ориентированные на интерпретацию текстов и практик цифровой культуры как носителей определенных антропологических смыслов. Исследование также опирается на современные подходы к изучению алгоритмической субъектности (Б. Стиглер, Ш. Зубофф, Л. Флориди), а также на отечественные разработки в области философии технологий и цифровой этики (К. Е. Следнева, М. В. Федоров, Ю. А. Цветков и др).

Источниковая база включает философские и социокультурные исследования, стратегические документы по цифровой трансформации, правовые акты в сфере защиты персональных данных, а также материалы, отражающие актуальные кейсы социального скоринга и социального рейтинга в разных странах. В качестве эмпирических примеров рассматриваются:

- китайская система социального рейтинга, основанная на национальной программе 2014 г.;
- американские корпоративные скоринговые модели (в частности, платформенные системы Amazon и Equifax, а также инструменты поведенческой аналитики в HR-сфере);
- российские практики цифрового контроля и экспериментальная платформа социального рейтинга «Мы».

Используемая методология позволяет выявить внутренние противоречия цифровой рациональности между эффективностью управления и сохранением человеческой автономии. Обозначенный подход делает возможным комплексный анализ социального скоринга как технологического, но и прежде всего антропологического феномена, формирующего новые границы свободы, идентичности и доверия в цифровом обществе.

Результаты и обсуждение. Термин «социальный скоринг» происходит от английского слова «scoring», что буквально означает «подсчет очков». В современном контексте он описывает систему балльной оценки, применяемую для принятия решений в различных социальных и экономических сферах. Исторически первые скоринговые системы, появившиеся в 1940-х гг. в США, были разработаны для оценки платежеспособности и надежности контрагентов. Данные обрабатывались вручную, основываясь на ограниченном числе характеристик, указанных клиентами в анкетах. В эпоху глобальной цифровой трансформации социальный скоринг стал «инструментом масштабного алгоритмического управления с использованием больших баз данных, что значительно расширило его функции и сферы применения» [2, с. 34].

Вместе с тем важно различать социальный скоринг и социальный рейтинг, который имеет свою специфику. Например, в Китае с июля 2014 г. действует национальная система социального рейтинга, направленная на поощрение граждан за общественно полезное поведение и наказание за нарушения законов и моральных норм. Система начисляет баллы: чем выше рейтинг, тем больше привилегий получает человек (например, доступ к выгодным кредитам, скидки, приоритетное обслуживание), а низкий рейтинг ограничивает возможности, включая запрет на выезд за границу или доступ к определенным услугам. Такой подход вызывает неоднозначные оценки. Одни исследователи рассматривают его как инструмент социальной дисциплины, а другие как форму репрессивного контроля [3].

Социальный скоринг – это процесс, при котором используются цифровые профили для оценки и прогнозирования поведения граждан и организаций на основе их интернет-активности и других цифровых следов [4, с. 90]. В отличие от традиционных методов оценки личности (например, кредитного рейтинга), социальный скоринг учитывает множество факторов: онлайн-поведение, взаимодействие в социальных сетях (Instagram¹, X (ранее Twitter)², TikTok и др.), покупки, финансовые операции, а также эмоциональные реакции и предпочтения в цифровом пространстве. Анализ больших данных с применением алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта позволяет формировать «цифровой профиль личности, который отражает социальный капитал, поведение и соответствие социальным нормам» [4].

На практике социальный скоринг и социальные рейтинги внедряются в разных странах. В Китае система оценивает финансовую историю, социальное поведение, участие в политических и культурных мероприятиях, а также образ жизни и привычки граждан (спорт, волонтерство и т. д.) [5]. В США социальный скоринг применяется для прогнозирования поведения клиентов в банках, страховых компаниях и трудоустройстве: алгоритмы помогают оце-

¹ Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации с 21 марта 2022 г. Принадлежит экстремистской организации.

² X (до 2023 г. – «Твиттер») – американская социальная сеть. Это шестой по посещаемости сайт в мире и одна из крупнейших социальных сетей с 550 млн пользователей ежемесячно.

нивать кредитные риски и предотвращать мошенничество [6]. В России с июля 2024 г. начал функционировать экспериментальный сервис «Мы». Платформа оценивает статус граждан по различным критериям социальной активности, пока остается тестовой и требует доработки, но демонстрирует тенденцию к внедрению отечественного социального рейтинга.

Использование социального скоринга порождает ряд этических и правовых вопросов. Ключевые проблемы включают манипуляцию информацией, отсутствие прозрачности алгоритмов, возможность дискриминации определенных групп, усиление социального неравенства и нарушение права на приватность. По мнению некоторых современных исследователей, «алгоритмы могут негативно влиять на людей с низким социально-экономическим статусом, нестабильным образом жизни или ограниченным доступом к цифровым ресурсам, что формирует “цифровой барьер” и усиливает исключение из социальных и экономических процессов» [7, с. 138].

Социальный скоринг оказывает прямое влияние на адаптацию и субъектность человека. Постоянный мониторинг и оценка вынуждают людей подстраиваться под алгоритмические ожидания, повышая уровень стресса, тревожности и влияя на самооценку, что делает цифровую адаптацию как личной задачей, так и социально значимой обязанностью, связанной с требованиями глобального цифрового общества. В контексте философско-антропологического подхода социальный скоринг выступает как механизм биовласти, формирующий поведение и нормализующий социальную практику с помощью цифровых технологий, что поднимает вопросы о свободе и автономии субъекта.

Интегрируя алгоритмы больших данных и искусственного интеллекта, социальный скоринг и социальный рейтинг становятся инструментами управления, влияющими на идентичность и социальное поведение граждан, вызывая необходимость правового и этического регулирования, прозрачности алгоритмов и развития систем апелляции для защиты прав пользователей.

Этические и правовые аспекты использования социального скоринга. Одной из наиболее острых этических проблем, возникающих в условиях социальных скорингов и глобальной цифровизации, является угроза манипуляции поведением людей. В системах социального скоринга и социальных рейтингов возникает прямая угроза для личной свободы. Люди становятся объектами непрерывного наблюдения и оценки, что формирует зависимость от внешних факторов и требует постоянного подстраивания своего поведения под алгоритмические ожидания.

В современной России можно наблюдать тенденции к усилению контроля поведения граждан с использованием цифровых технологий. Одним из наиболее заметных проявлений этой тенденции является практика мониторинга социальных сетей и сети «Интернет» с целью выявления материалов, классифицируемых как «экстремистские». Несмотря на конституционно закрепленное право на свободу выражения мнений, возникает вопрос о балансе между защитой этих прав и необходимостью предотвращения деструктивной деятельности, включая дискредитацию власти, призывы к насилию или экстремизму.

Технологии, включая искусственный интеллект, используемые для анализа онлайн-активности, подвержены рискам ошибочных интерпретаций. Преступники могут создавать фальшивые аккаунты, имитирующие действия невиновных людей, чтобы дискредитировать их или

устранить конкурентов. В таких случаях алгоритмы могут формировать негативный цифровой профиль даже при отсутствии реальной вины, что способно ограничивать права граждан.

Особенно важно учитывать, что автоматизированные системы часто работают на основе фрагментарных данных, тогда как в правоохранительной практике оценка доказательств предполагает комплексный подход и тщательный сбор подтверждений. Использование неполных данных в алгоритмах скоринга может создавать предпосылки для внедрения репрессивных практик. В этой связи необходимо вырабатывать правовые и этические стандарты, минимизирующие риски и обеспечивающие баланс между защитой гражданских прав и государственной безопасностью.

В 2020 г. в России Указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344 была утверждена новая редакция Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [8]. Документ определяет цели и задачи государственной политики в сфере противодействия экстремизму и легитимизирует контроль содержимого социальных сетей и интернет-ресурсов. Усилен надзор за «антигосударственной» деятельностью и политической активностью в сети. Органы власти и правоохранительные органы получили полномочия по мониторингу интернет-сегмента для выявления запрещенного контента. Такой подход повышает риск того, что алгоритмы интерпретируют обычное гражданское поведение как угрозу безопасности, влияя на социальную адаптацию и ограничивая свободу выражения мнений.

Манипуляция информацией становится особенно актуальной в контексте воздействия цифровых технологий на массовое сознание. Алгоритмы, анализирующие предпочтения и поведение пользователей, позволяют формировать индивидуализированные рекламные и политические сообщения, что воздействует на общественное мнение. В России такие технологии применяются в социальных сетях, включая ВКонтакте, Одноклассники и др., где пользователи подвергаются влиянию таргетированных политических и рекламных кампаний, нарушающих принципы этической свободы и автономии субъекта.

Проблема приватности приобретает критическую значимость. Личные данные становятся важнейшим ресурсом цифровой экономики. В России активно обсуждается защита персональных данных, и законодательство постепенно развивается. С 1 марта 2021 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [9], требующие от компаний и государственных органов соблюдения стандартов обработки информации. Однако пробелов в регулировании остается много. Мобильные приложения, социальные сети и интернет-ресурсы продолжают собирать огромные объемы данных о гражданах, а системы социального скоринга не всегда соблюдают принципы добровольности и информированного согласия.

В Москве, например, функционирует система распознавания лиц «Сфера», подключенная к камерам транспортного видеонаблюдения. Программа «Безопасный город» «привела к установке 1 млн камер, треть из которых интегрирована с распознаванием лиц» [10]. С 2017 г. в столице установлено 216 тыс. камер, покрывающих 74 % общественных пространств и 0 % жилого сектора [11, с. 15]. Зафиксированы случаи использования данных без согласия граждан, что признано судами незаконным, в том числе при передаче личной информации частным компаниям. Вопрос о границах между безопасностью и правами личности остается открытым.

Отдельной проблемой является отсутствие в России четкого регулирования в сфере социального скоринга. В отличие от ЕС, где действует GDPR, у нас нет унифицированного акта, регулирующего цифровые технологии и социальный скоринг. Существующие законы о защите персональных данных часто не имеют практической реализации. Граждане могут не понимать, для каких целей используются их данные, что создает правовую незащищенность и неосведомленность о своих правах [12, с. 165].

Отсутствие стандартов оценки алгоритмов искусственного интеллекта в социальной сфере также остается критическим. AI-программы могут принимать решения, нарушающие права граждан, например, «при отказе в кредите, социальной выплате или начислении несуществующих задолженностей» [11]. Использование неполных или предвзятых данных усиливает социальное неравенство: доступ к финансовым, образовательным и трудовым ресурсам может зависеть от цифрового «социального рейтинга». В России такие системы могут углублять существующее социальное неравенство, исключая группы граждан, чьи цифровые следы не соответствуют алгоритмическим требованиям.

Примером служат микрофинансовые организации, в которых кредитная доступность напрямую зависит от цифрового следа клиента, его поведения в социальных сетях и данных о платежеспособности. Люди с низким социальным рейтингом оказываются в невыгодном положении, что ставит под угрозу их экономическую стабильность и доступ к базовым услугам.

В результате социальный скоринг и социальные рейтинги формируют новую парадигму цифрового надзора, когда алгоритмы влияют на личную свободу, социальную адаптацию и права граждан. Необходимым условием их безопасного применения становится развитие правовых норм, этических стандартов, прозрачных алгоритмов и механизмов апелляции, а также информированность пользователей о том, как и для чего используются их данные.

Проблемы информационной безопасности. В условиях глобальной цифровизации информационная безопасность становится ключевым аспектом как личной, так и национальной устойчивости. Расширение использования социальных платформ, мобильных приложений и систем социального скоринга создает новые векторы угроз для личной информации и функционирования критически важных инфраструктур. Данные могут передаваться мгновенно на огромные расстояния, что делает их уязвимыми для внешних атак, киберпреступности и манипуляций.

Наиболее распространенными угрозами остаются кибератаки, направленные на инфраструктуру и персональные данные. В феврале 2025 г. российский малый и средний бизнес столкнулся с новой киберугрозой, программой-вымогателем PE32, целью которой стало вымогательство финансовых средств за расшифровку данных. Вирус нацелен в основном на операционную систему Windows. Уязвимость была связана с удаленным доступом в версиях Windows, что демонстрирует, насколько критична своевременная техническая поддержка и обновление цифровых систем [13].

Рост фишинга и социальной инженерии также остается серьезной угрозой. Злоумышленники создают поддельные веб-сайты и письма, имитирующие банки, государственные органы или социальные платформы, чтобы получить конфиденциальные данные: пароли, реквизиты карт и личную информацию. В России за последние годы отмечен рост подобных случаев, что требует повышения цифровой грамотности граждан и внедрения современных антифишинговых технологий.

Не менее актуальны мобильные угрозы, включая шпионские программы, «трояны» и взломы смартфонов. Исследование «Лаборатории Касперского» 2024 г. показало, что в 2023 г. по сравнению с 2022-м количество кибератак на пользователей Android-устройств в России выросло в 1,5 раза. Мобильные устройства, будучи ключевым элементом цифровой идентичности, становятся критически уязвимыми в контексте социального скоринга, где данные используются для оценки поведения и финансовой надежности [14].

Глобальная цифровизация выводит информационную безопасность на уровень государственной и международной политики. Кибервойна и киберугрозы рассматриваются как реальные вызовы национальной безопасности, а защита информационных систем как стратегическая задача. В этой связи международное сотрудничество становится ключевым. Например, в ноябре 2021 г. на Первом комитете 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был принят консенсусом российско-американский проект резолюции по проблематике международной информационной безопасности, поддержанный 107 странами [15].

Информационная безопасность в цифровой среде требует комплексного подхода, включающего технические меры, разработку правовых норм, этические стандарты и просвещение граждан. Важно, чтобы системы мониторинга, социального скоринга и распознавания лиц выполняли функции безопасности и соблюдали права и свободы личности, обеспечивая прозрачность алгоритмов и возможность контроля со стороны общества. Только интеграция технических, правовых и этических подходов позволит создать безопасное цифровое пространство, минимизировать риски манипуляций и обеспечить доверие пользователей к системам цифрового надзора.

Симуляции и виртуальные идентичности: новые формы власти. Современный феномен социального скоринга можно рассматривать в контексте трансформации классических форм власти, описанных М. Фуко. Если в дисциплинарных обществах власть реализуется через институциональные механизмы надзора (тюрьму, школу, больницу), то в цифровую эпоху наблюдается переход к алгоритмической биовласти, где контроль осуществляется посредством данных и кода [16]. Социальный скоринг становится ключевым инструментом этого перехода, переводя отношения власти в регистр числовой рациональности, когда человек оценивается как совокупность параметров, пригодных для вычисления и прогнозирования поведения.

По аналогии с тем, как паноптикон в модели дисциплины М. Фуко формировал самоконтролирующегося индивида, алгоритмические системы скоринга создают «цифрового паноптикона», в котором субъект наблюдает за самим собой через метрики и рейтинги. В этой системе власть становится анонимной, распределенной и не требует видимого наблюдателя, потому что встроена в цифровую инфраструктуру повседневности. В терминах Ж. Делеза, речь идет уже не о «заключенном в институции теле», а о «модулируемом человеке», постоянно адаптирующемся к потокам данных и меняющим свое поведение в соответствии с алгоритмическими ожиданиями [17, с. 248].

Социальный скоринг можно понимать как инструмент цифровой субъективации, при котором человек производит себя сам как «нормального» в цифровом смысле. В этом и заключается отличие скоринговой логики от дисциплинарной – вместо наказания за отклонение действует мотивация к «оптимальному поведению». Личность, осознавая, что ее циф-

ровой след становится предметом оценки, добровольно конструирует свою виртуальную идентичность в соответствии с нормативным образом, заданным алгоритмом.

Ж. Бодрийяр отмечал, что «в постиндустриальной культуре символический обмен подменяется обменом знаками» [18, с. 135]. В условиях социального скоринга этот обмен принимает форму обмена репутацией, когда рейтинг становится новой валютой социального признания. Алгоритм присваивает числовой эквивалент моральным качествам, тем самым подменяя этическое измерение прагматическим. Цифровое Я превращается в управляемый симулякр, иными словами, совокупность данных, оцениваемую системой безотносительно внутреннего содержания личности.

С философско-антропологической точки зрения это означает смещение центра человеческой субъектности от автономного субъекта, способного к моральному выбору, к вычисляемому «профилю», чья ценность определяется алгоритмически. Социальный скоринг тем самым оформляет переход от общества дисциплины к обществу контроля, когда свобода становится функцией цифровой прозрачности. В этой парадигме власть действует через добровольное участие субъекта в системе постоянной самооценки и публичного рейтинга.

Феномен социального скоринга радикально переопределяет представления о человеческой субъектности, превращая человека из автономного носителя воли в объект постоянного измерения и предсказания. В цифровом обществе идентичность больше не принадлежит самому субъекту, а конструируется через совокупность цифровых следов, репутационных метрик и алгоритмических интерпретаций. Описанный процесс можно охарактеризовать как алгоритмическую десубъективацию, при которой личность теряет право на ошибку, тайну и внутреннюю непредсказуемость, становясь функцией своих цифровых данных.

Как отмечает Б. Хан, «современная культура прозрачности уничтожает пространство для инаковости и внутреннего» [19, с. 97]. Цифровая открытость, внешне воспринимаемая как форма свободы, в действительности превращается в механизм самоконтроля. Человек становится «предсказуемым субъектом», чье поведение калибруется под стандарты алгоритмической рациональности. В рамках социального скоринга эта рациональность проявляется в постоянном стремлении поддерживать высокий рейтинг, что порождает феномен цифрового конформизма, т. е. подмену этического выбора поведенческой оптимизацией.

Социальный скоринг регулирует доступ к социальным благам и формирует тип личности, ориентированной на соответствие. Здесь возникает новый антропологический парадокс: чем больше субъект стремится к признанию в цифровом пространстве, тем сильнее он утрачивает внутреннюю автономию. Алгоритмическое управление не навязывает насилия извне, оно внедряется в мотивационные структуры самого человека. Субъект внутренне соглашается быть оцениваемым, ибо цифровой рейтинг становится формой социального признания, эквивалентом достоинства и доверия.

С точки зрения философской антропологии, можно утверждать, что социальный скоринг порождает новую форму субъектности – оценочную, основанную на постоянной соотнесенности с внешним цифровым взглядом. Подобный взгляд, воплощенный в алгоритме, заменяет Другого из классической феноменологии. Теперь человек познает себя не через встречу с другим человеком, а через статистические модели своего поведения. Б. Латур писал, что «в современном обществе границы между человеком и технологией стираются,

формируя гибридные онтологии» [20, с. 262]. Субъект превращается в «узел» сетевых связей, а его идентичность становится результатом цифровых операций.

Такая редукция субъектности до данных и рейтингов приводит к этической эрозии: исчезает различие между моральным и выгодным, личностным и публичным. Алгоритмическая рациональность не знает сострадания, стыда или искренности – лишь метрики соответствия, поэтому в контексте философской антропологии социальный скоринг можно рассматривать как предельное выражение постчеловеческой субъектности, когда человек утрачивает способность к подлинной саморефлексии и превращается в прозрачный элемент системы цифрового управления.

В цифровом пространстве власть постепенно смещается с контроля над материальными ресурсами к управлению образами, идентичностями и восприятием пользователей. Виртуальные идентичности создаются через социальные сети, игровые платформы и цифровые интерфейсы, позволяя пользователям экспериментировать с образом себя. Примеры включают Instagram, X и TikTok, а также игровые платформы вроде World of Warcraft и Fortnite. Цифровой аватар или псевдоним дают возможность формировать «вторую жизнь», в рамках которой человек может быть идеализированным образом себя или вымышленным персонажем. Часто виртуальная идентичность переплетается с реальной, размывая границы между физической личностью и ее цифровым образом.

Формирование виртуальной идентичности активно стимулируется алгоритмами платформ: фильтры для фото и видео, редакторы контента, цифровые награды и подписчики. Молодые пользователи создают образы, отражающие их самооценку и ожидания аудитории, формируя цифровую зависимость от внешних оценок (лайки, комментарии, репосты). Влияние виртуальных символов на поведение и самоощущение становится значительным, создавая новые вызовы для психоэмоционального здоровья.

Влияние виртуальных идентичностей на власть проявляется через «мягкую силу» цифровых платформ. Алгоритмы отбирают контент, формируют предпочтения и направляют культурные и идеологические установки, поддерживая доминирующие идеи. Пользователи становятся объектами управления через симуляцию реальности. Реклама и контент создают и поддерживают идеалы успеха, красоты и социального поведения, воздействуя на восприятие и моральные ориентиры. Указанная ситуация порождает новые этические и политические проблемы. Власть цифровых гигантов становится инструментом формирования вторичных реальностей, а пользователи участниками процессов манипуляции через психологическое воздействие. Виртуальные идентичности становятся объектом контроля и одновременно источником новой власти, когда личность подвергается алгоритмическому надзору.

Важной задачей становится критическая рефлексия над пределами допустимого вмешательства технологий в человеческую субъектность. Социальные сети и игровые платформы способны усиливать социальное давление, закреплять стереотипы и формировать нормы, в которых цифровая идентичность приобретает вес, сопоставимый с реальной.

Особое внимание необходимо уделять правовым и этическим аспектам управления виртуальными идентичностями. В условиях цифрового надзора необходимо создавать стандарты прозрачности алгоритмов, возможность апелляции и корректировки данных о пользователях. Обозначенные меры помогут снизить риск манипуляции и укрепить автономию личности, сохраняя баланс между цифровой культурой и человеческой свободой.

Перспективы и направления развития социального скоринга. Развитие систем социального скоринга требует внимания к вопросам интерпретируемости алгоритмов и устранения предвзятости данных. Данные, формируемые социальными практиками, могут искаженно отражать реальность, поэтому методы интерпретируемого машинного обучения позволяют минимизировать дискриминацию, повышая доверие пользователей к алгоритмическим решениям. Прозрачность и объяснимость решений становятся ключевыми требованиями при внедрении скоринговых систем в социальную сферу.

С точки зрения нормативной этики важно формировать международные стандарты и принципы, регулирующие использование социального скоринга, учитывая культурные и политические различия [21]. Унификация подходов к защите данных и обеспечению равенства может снизить конфликты между государственными интересами, корпоративными целями и правами человека.

Интересным направлением является применение технологий блокчейн, обеспечивающих децентрализацию и прозрачность. Хранение данных об оценках социальной активности в блокчейне позволяет защитить их от несанкционированного доступа и фальсификации, одновременно сохраняя возможность проверки достоверности. Например, с 2008 г. в Эстонии функционирует система KSI Blockchain для защиты данных граждан.

Не менее важным является создание механизмов обратной связи для пользователей. Возможность апелляции и разъяснения социальных рейтингов повышает справедливость системы, учитывая индивидуальные обстоятельства. Например, пользователь, столкнувшийся с ошибочным снижением рейтинга, может запросить пересмотр, что минимизирует социальные и моральные издержки. При этом подобные механизмы должны сочетать алгоритмическую обработку с участием независимых организаций, гарантирующих прозрачность и объективность решений.

Адаптивные модели социального скоринга позволяют учитывать культурные и социальные различия. Унифицированные системы глобального масштаба рискуют игнорировать локальные особенности. Например, критерии оценки социальной активности в коллективистских обществах (например, Япония) могут существенно отличаться от индивидуалистических стран (США). Адаптивные модели обеспечивают более точное отражение социальной реальности и снижают риск несправедливых оценок.

Цифровизация усиливает новые формы социального неравенства, включая ограниченный доступ к информационно-коммуникационным технологиям и недостаточную цифровую грамотность уязвимых групп населения. Концепция Дж. Ролза «завеса неведения» [22] становится особенно актуальной, поскольку справедливое общественное устройство возможно только при равном доступе к базовым цифровым ресурсам. Образовательные программы для маргинализированных групп помогают снизить риск исключения из цифровой социальной и экономической жизни.

Философы Т. Адорно и М. Хоркхаймер отмечали, что технологический прогресс без гуманистических ориентиров может стать инструментом подавления, а не освобождения: «Всякая попытка разрушить насилие природы, разрушая природу, все глубже и глубже погружает в насилие природы. Таков путь европейской цивилизации» [23, с. 89], поэтому системы социального скоринга требуют постоянного мониторинга их социального воздей-

ствия и потенциальных рисков, чтобы минимизировать возможность использования их как механизма репрессий.

Важным направлением является также постоянная оценка социальной и этической легитимности алгоритмов. Социальный скоринг не должен ограничиваться технической эффективностью и должен учитывать вопросы автономии личности, социальной справедливости и культурного контекста. Контроль, прозрачность и возможности апелляции становятся ключевыми элементами доверия к цифровым системам оценки. Этическая и юридическая регламентация, прозрачные алгоритмы, механизмы обратной связи и адаптивные модели обеспечивают более справедливое и безопасное использование социальных рейтингов, минимизируя риски усиления социального неравенства и манипуляций. Системы социального скоринга, внедряемые с учетом этих принципов, могут стать инструментом поддержки социального развития, обеспечивая баланс между интересами государства, корпораций и личности.

Можно подытожить, что современные системы социального скоринга демонстрируют переход от классических форм дисциплинарной власти, описанных М. Фуко, к алгоритмическому управлению, основанному на предсказании поведения. В этой логике человек перестает быть субъектом действия и превращается в объект статистического моделирования. Его идентичность становится производной от цифровых следов, а моральные выборы функцией репутационных метрик. Подобная трансформация подрывает саму основу человеческой субъектности, так как заменяет внутренний акт свободы внешней цифровой оценкой.

Социальный скоринг представляет собой новую форму антропологического подчинения, в рамках которого субъект добровольно соглашается на наблюдение, стремясь к социальному признанию через высокий рейтинг. Указанный процесс можно рассматривать как форму внутренней нормализации, когда человек начинает мыслить о себе не в категориях добра, долга или совести, а в терминах эффективности и репутации. В итоге, социальный скоринг регулирует социальное поведение и переопределяет само понятие человека, из носителя внутреннего опыта он превращается в «прозрачное существо», управляемое алгоритмом.

Философская опасность этого феномена заключается не в наблюдении как таковом, а в постепенной утрате способности к самопознанию. Человек, привыкший мыслить себя через цифровые показатели, теряет автономию и становится зависимым от внешней оценки. Возникает новый тип субъекта – «оценочный субъект», для которого нравственность сводится к стратегическому поддержанию позитивного образа в цифровом пространстве. Этот феномен можно определить как цифровую форму отчуждения, не экономического, как у К. Маркса, а антропологического, когда личность утрачивает внутренний центр и растворяется в логике сетевых алгоритмов.

Вместе с тем социальный скоринг не является фатальным приговором. Его существование требует этического и нормативного переосмысления, другими словами гуманизации технологий. Если рассматривать цифровую прозрачность как необратимый элемент современного бытия, задача философии состоит не в отрицании, а в переопределении границ допустимого контроля. Человеческий субъект должен оставаться центром морального выбора, а цифровые системы обязаны подчиняться принципу достоинства личности.

Социальный скоринг может стать не инструментом дисциплины, а инструментом доверия лишь тогда, когда человек будет рассматриваться как носитель ценности. Без этого условия любая система оценки превращается в механизм антропологического обезчеловечивания.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов о роли и последствиях социального скоринга в современном обществе.

Социальный скоринг формирует новую модель взаимодействия личности и социальных институтов. Если ранее социальные отношения строились на основе правовых и моральных норм, то сегодня значительная их часть опосредована цифровыми алгоритмами. Алгоритмическая оценка поведения человека становится механизмом социальной стратификации, влияя на доступ к ресурсам, трудоустройству, кредитованию и социальным льготам [24]. Цифровой рейтинг становится инструментом управления и контроля, изменяющим саму структуру социальных отношений.

Социальный скоринг оказывает прямое воздействие на субъектность человека, его способность осознавать, формулировать и реализовывать собственные цели. В условиях постоянного мониторинга и оценки человек вынужден адаптировать свое поведение к алгоритмическим ожиданиям, что ведет к снижению автономии личности и подмене внутренней мотивации внешними стимулами. Субъектность, ранее основанная на самоопределении и личной ответственности, постепенно трансформируется в реактивную модель поведения, направленную на сохранение положительного цифрового статуса.

Формирование цифрового рейтинга личности изменяет принципы социальной адаптации. Позитивное восприятие личности обществом все чаще определяется не его реальными действиями, а алгоритмическими интерпретациями цифрового следа, что ведет к появлению феномена «алгоритмической идентичности», ситуации, когда цифровой профиль становится важнее реальной личности.

Социальный скоринг усиливает неравенство между различными социальными группами. Лица с ограниченным доступом к цифровым технологиям, низким социально-экономическим статусом или нестандартным стилем жизни рискуют оказаться на периферии общественных процессов. Социальный скоринг отражает и воспроизводит существующие формы социальной дифференциации.

Этические и правовые вызовы, связанные с применением систем социального скоринга, требуют институциональной регламентации. Необходимы прозрачные механизмы контроля алгоритмов, обеспечение права на приватность и защиты персональных данных. Без этого цифровая оценка поведения превращается из инструмента социального управления в форму алгоритмической дискриминации.

В целом, социальный скоринг становится фактором, трансформирующим саму природу социальных отношений и субъектности личности. Он определяет новые формы зависимости, подотчетности и социальной адаптации, создавая вызовы для правового регулирования, этики и гуманитарного знания. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ механизмов сохранения автономии человека в условиях алгоритмического общества и разработка принципов этического регулирования цифровых рейтингов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейтинг смолоду берегут // Коммерсантъ. 06.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6819467> (дата обращения: 14.11.2025).

2. Саблин М. Т. Заключение сделок без риска: проверка контрагента, договорная работа, организационная система. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2012.

3. Петухова Л. Цифровой след: как банки анализируют соцсети клиентов при выдаче кредита // РБК. 11.10.2017. URL: <https://www.rbc.ru/finances/11/10/2017/59db5ec89a7947730019424d?ysclid=leok98wzr3818762224> (дата обращения: 11.11.2025).

4. Пивнева С. В., Никитенко Д. В. Социальный скоринг как инновационный инструмент управления организационными системами в условиях цифровизации // *Int. J. of Open Information Technologies*. 2025. Vol. 13, № 5. P. 87–98.

5. Федоров М., Линдре Ю. Искусственный интеллект и социальный рейтинг: начало эпохи цифрового концентрационного лагеря «в интересах человечества»? // Российский совет по международным делам. 25.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyu-intellekt-i-sotsialnyu-reyting-nachalo-epokhi-tsifrovogo-kontsentratsionnogo-lagerya-v> (дата обращения: 11.11.2025).

6. Проект платформы социального скоринга (материалы к Ученому совету РГСУ) // РГСУ. URL: <https://w.rgsu.net/#about> (дата обращения: 12.11.2025).

7. Лазаров А. А. Право на доступ к информации при применении системы социального кредитования (социального скоринга) // *Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 4. С. 136–142. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.136-142

8. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/?ysclid=m5pc5qx4au285335252> (дата обращения: 12.11.2025).

9. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.11.2025).

10. Костерева М. В России каждая третья из 1 млн камер подключена к системе распознавания лиц // *Коммерсант*. 13.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6563533> (дата обращения: 13.11.2025).

11. Гарчева Л. П. О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации // *Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 13–19. DOI: 10.37279/2413-1733-2022-8-1-13-19

12. Зиновьева Е. С., Яникеева И. О. Эволюция взаимодействия России и США в области международной информационной безопасности в исторической ретроспективе // *Вестн. СПбГУ. Международные отношения*. 2022. Т. 15, вып. 2. 158–173. DOI: 10.21638/spbu06.2022.203

13. Литвинов Р. Новая восточная угроза для российского бизнеса – шифровальщик PE32 // *Инфобезопасность*. 13.03.2025. URL: <https://infobezopasnost.ru/blog/news/novaya-vostochnaya-ugroza-dlya-rossijskogo-biznesa-shifrovalshhik-pe32/> (дата обращения: 13.11.2025).

14. В 2023 году число атак на пользователей мобильных устройств в России выросло в полтора раза // *Лаборатория Касперского*. 23.01.2024. URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/v-2023-godu-chislo-atak-na-polzovatelej-mobilnyh-ustrojstv-v-rossii-vyroslo-v-poltora-raza> (дата обращения: 13.11.2025).

15. Федоров М., Линдре Ю. Этика искусственного интеллекта в деятельности ЮНЕСКО // Российский совет по международным делам. 18.11.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/> (дата обращения: 14.11.2025).

16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

17. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория, 2010.

18. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2018.

19. Хан Бен-Чхоль. Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А. С. Салина. М.: АСТ, 2023.

20. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД ВШЭ, 2014.

21. Следнева К. Е., Половникова О. В. Философия новой этики в рамках цифровизации // Инновационная экономика и общество. 2023. № 3 (41). С. 118–125.

22. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. Целищева, В. Карповича, А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.

23. Хоркхаймер М., Арно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997.

24. Ильин О. Как искусственный интеллект меняет кредитный скоринг: обзор проблемы предвзятости (bias) в работе алгоритмов // Zakon.ru. 14.01.2025. URL: https://zakon.ru/blog/2025/1/14/kak_iskusstvennyj_intellekt_menyaet_kreditnyj_skoring_obzor_problemy_predvzyatosti_bias_v_rabote_alg (дата обращения: 13.11.2025).

Информация об авторах.

Сорокопуд Мария Сергеевна – кандидат философских наук (2016), старший научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия. Автор 53 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, алгоритмическая власть, культурная адаптация личности, трансформация идентичности в условиях цифровизации.

Коник Алексей Алексеевич – кандидат педагогических наук (2013), доцент (2020), заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория и методика физического воспитания, спортивные тренировки, оздоровительная и адаптивная физическая культура.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.07.2025; принята после рецензирования 19.11.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. "A Rating Is Cherished from a Young Age" (2024), *Kommersant*, 06.07.2024, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6819467> (accessed 14.11.2025).

2. Sablin, M.T. (2012), *Zaklyuchenie sdelok bez riska: proverka kontragenta, dogovornaya rabota, organizatsionnaya sistema* [Conclusion of transactions without risk: counterparty verification, contractual work, organizational system], Bibliotekha "Rossiiskoi gazety", Moscow, RUS.

3. Petukhova, L. (2017), "Digital footprint: how banks analyze clients' social networks when issuing a loan", *RBC*, 11.10.2017, available at: <https://www.rbc.ru/finances/11/10/2017/59db5ec89a7947730019424d?ysclid=leok98wzr3818762224> (accessed 11.11.2025).

4. Pivneva, S.V. and Nikitenko, D.V. (2025), "Social Scoring as an Innovative Tool for Managing Organizational Systems in the Context of Digitalization", *Int. J. of Open Information Technologies*, vol. 13, no. 5, pp. 87–98.

5. Fedorov, M. and Lindre, Yu. (2021), "Artificial intelligence and social rating: the beginning of the era of a digital concentration camp "in the interests of humanity"?", *Russian Int. Affairs Council*, 25.06.2021, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvenny-intellekt-i-sotsialny-reyting-nachalo-epokhi-tsifrovogo-kontsentratsionnogo-lagerya-v> (accessed 11.11.2025).

6. "Social scoring platform project (materials for the Academic Council of the Russian State Social University)", *Russian State Social Univ.*, available at: <https://w.rgsu.net/#about> (accessed 12.11.2025).

7. Lazarov, A.A. (2022), "The Right to Access Information During the Use of the System of Social Credit (Social Scoring)", *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 4, pp. 136–142. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.136-142

8. "Decree of the President of the Russian Federation of 29.05.2020 No. 344 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025"", *Garant*, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/?ysclid=m5pc5qx4au285335252> (accessed 12.11.2025).

9. "Federal Law "On Personal Data"" of 27.07.2006 No. 152-FZ (latest revision)", *ConsultantPlus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed 12.11.2025).

10. Kostereva, M. (2024), "In Russia, every third of 1 million cameras is connected to the facial recognition system", *Kommersant*, 13.03.2024, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6563533> (accessed 13.11.2025).

11. Garcheva, L.P. (2022), "On the risks of human rights violations in the context of digitalization", *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal Univ. Juridical science*, vol. 8 (74), no. 1, pp. 13–19. DOI: 10.37279/2413-1733-2022-8-1-13-19

12. Zinovieva, E.S. and Yanikeeva, I.O. (2022), "Evolution of the US – Russia relations in the area of international information security: A retrospective study", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Int. Relations*, vol. 15, iss. 2, pp. 158–173. DOI: 10.21638/spbu06.2022.203

13. Litvinov, R. (2025), "A New Eastern Threat to Russian Business: PE32 Ransomware", *InfoSecurity*, 13.03.2025, available at: <https://infobezopasnost.ru/blog/news/novaya-vostochnaya-ugroza-dlya-rossijskogo-biznesa-shifrovalshhik-pe32/> (accessed 13.11.2025).

14. "In 2023, the number of attacks on mobile device users in Russia increased by one and a half times", *Kaspersky Lab*, 23.01.2024, available at: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/v-2023-godu-chislo-atak-na-polzovatelej-mobilnyh-ustrojstv-v-rossii-vyroslo-v-poltora-raza> (accessed 13.11.2025).

15. Fedorov, M. and Linde, Yu. (2020), "Ethics of Artificial Intelligence in the Activities of UNESCO", *Russian Int. Affairs Council*, 18.11.2020, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/> (accessed 14.11.2025).

16. Foucault, M. (1999), *Surveiller et punir: Naissance de la prison*, Transl. by Naumov, V., in Borisova, I. (ed.), *Ad Marginem*, Moscow, RUS.

17. Deleuze, G. and Guattari, F. (2010), *A thousand plateaus. Capitalism and Schizophrenia*, Transl. by Svirskii, Ya.I., U-Faktoriya, Ekaterinburg, RUS.

18. Baudrillard, J. (2018), *Simulacra et Simulations*, Transl. by Kachalov, A., Postum, Moscow, RUS.

19. Han, Byung-Chul (2023), *Müdigkeitsgesellschaft*, Transl. by Salin, A.S., AST, Moscow, RUS.

20. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory*, Transl. by Polonskaya, I., in Gavrilenko, S. (ed.), Publishing House of the HSE, Moscow, RUS.

21. Sledneva, K.E. and Polovnikova, O.V. (2023), "Philosophy of new ethics in digitalization", *Innovative Economics and Society*, no. 3 (41), pp. 118–125.

22. Rawls, Jo. (1995), *A Theory of Justice*, Transl. by Tselishchev, V., Karpovich, V. and Shevchenko, A., Izd. NSU, Novosibirsk, RUS.

23. Horkheimer, M. and Adorno, T.V. (1997), *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*, Transl. by Kuznetsov, M., Medium; Yuventa; Moscow; SPb., RUS.

24. Il'in, O. (2025), "How artificial intelligence is changing credit scoring: an overview of the problem of bias in the operation of algorithms", *Zakon.ru*, 14.01.2025, available at: https://zakon.ru/blog/2025/1/14/kak_iskusstvennyj_intellekt_menyaet_kreditnyj_skoring_obzor_problemy_predvzyato_sti_bias_v_rabote_alg (accessed 13.11.2025).

Information about the authors.

Maria S. Sorokopud – Can. Sci. (Philosophy, 2016), Senior Researcher at the Research Department, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky str., Belgorod 308024, Russia. The author of 53 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, algorithmic power, cultural adaptation of personality, transformation of identity in the context of digitalization.

Aleksey A. Konik – Can. Sci. (Pedagogy, 2013), Docent (2020), Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky str., Belgorod 308024, Russia. The Author of over 150 scientific publications. Area of expertise: theory and methods of physical education, sports training, health and adaptive physical education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.07.2025; adopted after review 19.11.2025; published online 20.04.2026.